

создается впечатление, что текст заучен, рассказывается как приготовленное заранее стихотворение. Для того чтобы убедиться, говорит ли ребенок свои мысли, необходимо поинтересоваться: понимает ли он то, о чем говорит. Уговорами добиться, чтобы ребенок своими словами пересказал, рассказанное ранее.

Далее необходимо постепенно уточнять детали элементов внешности описываемого лица, делая это также в игровой непринужденной форме. В результате чего мы достигнем получения уточненного, а затем и окончательного варианта портрета. Окончательным вариант портрета считается после его одобрения очевидцем, в нашем случае – несовершеннолетним. При этом по возможности выясняется степень подобия полученного изображения мысленному образу.

Важно также обратить внимание на особенности временных рамок при работе с несовершеннолетними. Связано это с незрелостью детской психики и быстрой утомляемостью ребенка. По мнению М.М. Коченова и Н.Р. Осиповой, оптимальное время работы с несовершеннолетними составляет: для детей 3–5 лет в течение 15–20 минут; для детей 5–7 лет в течение 20–25 минут; для детей 7–10 лет в течение 25–35 минут [3, с. 8]. Оптимальное время работы с подростками также составляет 25–35 минут.

Когда в вышеуказанные временные рамки работа по созданию субъективного портрета не завершена, необходимо сделать перерыв. Однако если время контакта еще не истекло, но специалист чувствует, что опрашиваемый устал и эффективность работы снизилась, перерыв следует сделать раньше.

Оформительский этап проходит по стандартной схеме, производится фиксация действий по изготовлению портрета: составляется справка с приложением к ней фототаблицы, на которой помещаются фотоснимки промежуточного и окончательного вариантов портрета. Однако и здесь есть нюанс, справка подписывается не самим несовершеннолетним, а его законным представителем и всеми другими участниками работы.

Таким образом, можно заключить, что работа с несовершеннолетним при составлении субъективного портрета требует повышенной концентрации внимания и будет эффективна в случае учета особенностей данной категории граждан.

1. Давыдов Е.В. Современные возможности использования субъективных портретов в практике раскрытия и расследования преступлений. Волгоград, 2012.

2. Зинин А.М. Субъективный портрет: курс лекций. М., 2012. С. 128.

3. Коченов М.М., Осипова Н.Р. Психология допроса малолетних свидетелей: метод. пособие. М., 1984. С. 8–14.

**О ВЗАИМОДЕЙСТВИИ ОРГАНОВ СЛЕДСТВИЯ И ДОЗНАНИЯ
ПРИ РАСКРЫТИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ
НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ
(НА ПРИМЕРЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА
РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ)**

После прекращения существования СССР развитие уголовно-процессуального законодательства образовавшихся на его территории независимых государств в части регламентации вопросов взаимодействия органов следствия с оперативно-розыскными подразделениями происходит по одной из двух моделей.

1. В модели порядок использования результатов оперативно-розыскной деятельности в целом аналогичен определенному в уголовно-процессуальных кодексах Российской Федерации и Республики Беларусь (уголовно-процессуальные кодексы Азербайджанской Республики, Приднестровской Молдавской Республики, Республики Армения, Республики Таджикистан, Туркменистана, Республики Узбекистан);

2. В модели уголовно-процессуальным законом закреплено проведение негласных, или специальных, тайных, следственных действий; либо регламентировано проведение оперативно-розыскных мероприятий с приданием их результатам значения доказательств [1, с. 404–408]. Это уголовно-процессуальные кодексы Грузии, Республики Казахстан, Киргизской Республики, Латвийской Республики, Литовской Республики, Республики Молдова, Украины, Эстонской Республики.

Несмотря на различие мнений по вопросу интеграции уголовно-процессуальной и оперативно-розыскной деятельности [2, с. 88–91, 3, с. 109], результаты научных исследований уголовно-процессуального законодательства бывших союзных республик убедительно свидетельствуют об объективной необходимости в этом. Так, например, В.А. Семенов выделяет следующие способы ее законодательной реализации: установление возможности легализации в уголовном судопроизводстве информации, полученной в результате оперативно-розыскных мероприятий (Российская Федерация, республики Беларусь, Узбекистан, Таджикистан, Азербайджанская Республика, Таджикистан); закрепление в уголовно-процессуальном законе негласных или специальных, тайных, следственных действий (Украина, Республика Казахстан, Киргизская, Латвийская, Литовская республики, Грузия); прямое включение ОРМ в уголовно-

процессуальный закон с приданием их результатам значения доказательств (Республика Молдова, Эстонская Республика [4, с. 52–53]).

Еще одним средством сближения уголовно-процессуальной и оперативно-розыскной деятельности является совершенствование законодательства в части расширения полномочий следователя, в частности, возможность ознакомления с материалами ОРД.

В отличие от российского УПК белорусский кодекс при расследовании уголовного дела и рассмотрении сообщения о преступлении предоставляет следователю право ознакомления с материалами ОРД (ч. 7 ст. 36 УПК Республики Беларусь).

В целом регламентирующие вопросы взаимодействия нормы уголовно-процессуальных кодексов Республики Беларусь и Российской Федерации во многом сходны по своему «набору», но имеют и существенные различия.

Например, согласно ст. 89 УПК РФ в процессе доказывания запрещается использование результатов ОРД, если они не отвечают требованиям, предъявляемым к доказательствам этим Кодексом. Аналогичная формулировка имеется в ст. 57-1 УПК Приднестровской Молдавской Республики, но УПК остальных бывших союзных республик регламентируют использование результатов ОРД в доказывании в контексте конструктивных предписаний.

Установление запрета в качестве отправной точки правового регулирования взаимодействия следователей и оперативных работников, а также содержание статьи в целом является предметом обоснованной критики ученых. Нам не встречались мнения о том, что она удачна и не требует корректировки [1, с. 272–284; 3, с. 107; 5, с. 7–11; 6, с. 217; 7, с. 92].

Согласно ст. 101 УПК Республики Беларусь материалы, полученные в ходе ОРД, могут быть признаны в качестве источников доказательств при условии, если они получены и предоставлены в соответствии с законодательством Республики Беларусь, проверены и оценены в порядке, установленном УПК.

Очевидно, что такое изложение корректнее, хотя словосочетание «могут быть признаны <...> при условии» все-таки содержит почву для сомнений в правомерности использования в доказывании результатов ОРД априори.

Содержание ст. 89 УПК РФ несовершенно еще и в силу указания на возможность использования результатов ОРД в доказывании, только если они отвечают требованиям, предъявляемым к доказательствам УПК РФ, что в принципе неосуществимо, так как получение результатов ОРД регламентировано Федеральным законом «Об оперативно-розыскной деятельности» (п. 36.1 ст. 5 УПК РФ). С этой точки зрения также предпочтительна формулировка УПК Республики Беларусь.

Так, ст. 99 УПК Республики Беларусь относит к числу источников доказательств помимо протоколов следственных действий и судебного заседания отдельно протоколы следственных действий и ОРМ о прослушивании и записи переговоров, осуществляемых с использованием технических средств связи, и иных переговоров, составленных в установленном законом порядке и с приложением соответствующей записи прослушивания.

Интересно, на наш взгляд, мнение С.А. Шейфера о том, что конструкция «осуществление контроля и записи переговоров» (ст. 186 УПК РФ) «с точки зрения правовой регламентации следственных действий является необычной» [8, с. 63], что это следственное действие – «самое дискуссионное» [9, с. 306]. Непросто обосновать различие в порядке осуществления его и ОРМ «Прослушивание телефонных переговоров».

Как бы то ни было, отличие ОРМ от следственного действия имеется: в последнем случае следователь непосредственно производит осмотр и прослушивание фонограммы, определяет, что именно следует изложить в протоколе дословно, перепроверяет правильность отражения в стенограмме содержания фонограммы.

Обособление в ст. 99 УПК Республики Беларусь протоколов следственных действий и ОРМ о прослушивании и записи переговоров свидетельствует об учете законодателем этих особенностей и может служить положительным примером.

Согласно п. 4 ч. 2 ст. 38 УПК РФ следователь уполномочен давать органу дознания в случаях и порядке, установленных данным Кодексом, обязательные для исполнения письменные поручения о проведении ОРМ. В целом, аналогичная норма имеется и в УПК Республики Беларусь, в котором, кроме того, установлен 10-суточный срок исполнения поручения, если иной срок не согласован со следователем, органом дознания, давшими поручение, что, хотя и не способно полностью устранить формализм при выполнении поручения, но создает основу для контроля за его выполнением (ч. 4 ст. 184 УПК Республики Беларусь).

Недостатком обоих процессуальных кодексов, на наш взгляд, является формальная возможность создания лишь следственной, но не следственно-оперативной группы (ст. 185 УПК Республики Беларусь и ст. 163 УПК РФ). Здесь в части взаимодействия более прогрессивен УПК РФ, так как предусматривает привлечение к работе группы сотрудников оперативных подразделений.

На теоретическом уровне тема следственно-оперативных групп разработана достаточно детально [10–12], актуальность и эффективность данной формы взаимодействия очевидна.

О признании ее значения на межгосударственном уровне свидетельствует, помимо прочего, заключенное в 2017 г. Соглашение о порядке создания и деятельности совместных следственно-оперативных групп на территориях государств – участников Содружества Независимых Государств [13].

Приведенные в нем задачи таких групп (можно сказать – взаимодействия) связаны не только с работой на межгосударственном уровне, но и обозначают ключевые признаки этого понятия: согласованная деятельность по раскрытию преступлений и расследованию уголовных дел, организация упрощенного порядка взаимодействия, создание условий для оперативного обмена информацией, взаимное информирование о ходе выполнения согласованных действий, планирование, координация и взаимодействие при проведении процессуальных действий и (или) ОРМ.

В рамках соглашения 27 апреля 2017 г. в г. Санкт-Петербурге прошло первое совместное заседание коллегий Следственного комитета Республики Армения, Следственного комитета Республики Беларусь и Следственного комитета Российской Федерации [14]. Сегодня проведено уже четыре таких заседания.

Таким образом, несмотря на значительную роль взаимодействия в деятельности по раскрытию и расследованию преступлений, его законодательное регулирование в основных для уголовного процесса нормативных актах – уголовно-процессуальных кодексах и России, и Беларуси требует дальнейшего совершенствования. Необходима неформальная, полная и непротиворечивая регламентация основ взаимодействия, опираясь на которые возможно будет создать систему ведомственных и межведомственных актов, обеспечивающих наиболее эффективную их реализацию на практике.

1. Попов А.П., Попова И.А., Фурсов В.А. Проблемы регламентации результатов ОРД в уголовном процессе // Уголовный процесс России. Проблемные лекции : учеб. пособие / А.С. Александров [и др.] ; науч. ред. В.Т. Томин, А.П. Попов, И.А. Зинченко. Пятигорск, 2014.

2. Драпкина Л.Я., Тумаков И.С. Проблемы дифференциации уголовно-процессуальной и оперативно-розыскной деятельности // Рос. юрид. журн. 2005. № 1. С. 88–91.

3. Победкин А.В. Тайное проникновение оперативно-розыскной деятельности в открытую дверь уголовного судопроизводства // Судеб. власть и уголов. процесс. 2018. № 2. С. 104–110.

4. Семенцов В.А. К вопросу о пополнении следственных действий негласными познавательными приемами // Законы России: опыт, анализ, практика. 2016. № 4. С. 48–57.

5. Вольнский А.Ф. Организация раскрытия и расследования преступлений: проблемы и пути решения // Рос. следователь. 2016. № 1. С. 7–11.

6. Кардашевская М.В. Сравнительный анализ использования результатов ОРД в России и зарубежных странах // Раскрытие и расследование преступлений: наука, практика, опыт : сб. научн. ст. : в 2 ч. Тула, 2017. С. 212–217.

7. Лютынский А.М. О необходимости изменения некоторых норм законодательства в контексте использования результатов ОРД в доказывании по уголовным делам // Библиотека криминалиста. 2016. № 3. С. 89–94.

8. Шейфер С.А. Следственные действия. Система и процессуальная форма. М., 2001.

9. Захарцев С.И., Игнащенко Ю.Ю., Сальников В.П. Оперативно-розыскная деятельность в XXI веке. М., 2017.

10. Бастрыгин А.С. Криминалистическое обеспечение расследования многоэпизодных дел следственно-оперативной группой : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09. Краснодар, 2018.

11. Ларичев В.Д., Кучкина В.Г. Понятие и сущность следственной и следственно-оперативной групп // Вестн. Воронеж. ин-та МВД России. 2016. № 1. С. 118–122.

12. Захарова В.О. Коллективные формы расследования (следственные и следственно-оперативные группы). М., 2016.

13. СПС КонсультантПлюс. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

14. Сборник информационных материалов по итогам первого совместного заседания коллегий Следственного комитета Республики Армения, Следственного комитета Республики Беларусь и Следственного комитета Российской Федерации [Электронный ресурс] / под ред. А.И. Бастрыкина // Следственный комитет Российской Федерации : сайт. М., 2017. URL: https://sledcom.ru/upload/site1/document_text/SBORNIK_po_itogam_sovmestnogo_zasedaniya_kollegiya_27.04_Spb_bp.pdf (дата обращения: 13.11.2020).

УДК 343.9

Е.Б. Серова

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРОКУРОРА В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ КАК ЧАСТНАЯ ТЕОРИЯ КРИМИНАЛИСТИКИ

Криминалистика – достаточно молодая наука, предмет которой находится в постоянном развитии. В современных условиях мы находимся на очередном этапе формулирования предмета науки, однако в самом общем виде можно сказать, что криминалистика изучает закономерности